

Л. А. Слепец

«А ГДЕ ЖЕ ТАНЯ?»

(В. И. и студенты)

Познакомилась я с В. И. Векслером в 1958 г. — в первый же день, когда в качестве дипломницы появилась в ЛВЭ в группе М. И. Соловьева.

Знакомство с Владимиром Иосифовичем превратилось в почти ежедневное общение, которое воспринималось как должное, как само собой разумеющееся. Он в любой момент мог войти в рабочую комнату, спросить, как идут дела, поделиться какими-то возникшими у него соображениями, связанными с научными проблемами либо всего коллектива, либо даже отдельного человека. Он знал, чем занимается каждый научный сотрудник и даже студент. Он общался со всеми, ранги не имели никакого значения. Для такого общения он использовал любую возможность. Иногда в городе по дороге на работу или с работы останавливалась машина Владимира Иосифовича, он приглашал сесть в нее с целью не столько подвезти, сколько использовать время в пути, чтобы узнать, что получилось или не получилось после последнего с ним разговора, мог дать очередной ценный совет, а иногда и поделиться впечатлениями о новом кинофильме.

Чем больше проходит времени, тем больше удивляешься тому, как он мог глубоко вникать в разнообразные дела многих людей и хорошо помнить все детали.

Был такой случай. Я приехала в Дубну после летних каникул в конце августа. Дня через два-три Владимир Иосифович спросил меня: «А где же Таня? Почему ее нет? Ведь каникулы уже кончились». Таня Всевожская, моя однокурсница, тоже делала дипломную работу в ЛВЭ, но в группе камеры Вильсона. Она занималась обработкой «виллок», одна из которых давала много оснований считать ее антилямбдой. Именно этот случай очень интересовал Владимира Иосифовича. Я сказала ему, что Таня в походе и уже вот-вот должна приехать. Но прошло еще дней пять-шесть, миновали все контрольные сроки, а группа из похода не возвращалась и не подавала о себе никаких вестей. На физфаке и в ЛИПАНе (так назывался тогда институт им. И. В. Курчатова) началось сильное беспокойство. Туристическая группа состояла в основном из студентов факультета и недавних его выпускников, ставших сотрудниками этого института. Поиски пропавших были организованы при

содействии И. В. Курчатова. Они были найдены поисковым самолетом, и встречали их почти как челюскинцев. Естественно, первые дни после возвращения все только этим событием и были заняты, особенно его участники. Таня сразу же приехала в Дубну, и первый день здесь тоже был посвящен расспросам и рассказам о происшествии. Вечером мы с ней собрались домой. Одевались в вестибюле (тогда там на вешалках все оставляли верхнюю одежду) и вдруг увидели Векслера.

— Ну, вот и Таня. Как там ваш случай?

— Какой случай? На Печоре? — спросила она.

Я дернула ее сзади и стала шептать: «Антилямбда, антилямбда...»

Таня с большим трудом переключалась с Печоры на антилямбду и в первый момент ничего не могла вспомнить. А Владимир Иосифович помнил абсолютно все, он называл даже численные значения кинематических параметров, которые были ею определены, но она сразу не могла их вспомнить. Таня Всевожская после окончания университета уехала в новосибирский Академический городок. Владимир Иосифович спрашивал о ней. Он интересовался, с кем она работает и чем занимается.

Общаться с Векслером было легко и просто, он был демократичен и доступен. Я с ним чувствовала себя абсолютно непринужденно и думаю, так себя чувствовали с ним почти все. Я неоднократно стучалась в дверь его кабинета без всяких предварительных договоренностей с целью что-нибудь спросить или обсудить, и ни одного отказа не было, не было даже сказано: «Зайдите тогда-то». К Владимиру Иосифовичу можно было обращаться с вопросом или просьбой просто при встрече, и он тоже часто мог остановить кого-нибудь, чтобы спросить или что-то сказать. По-видимому, потребность в общении со своими сотрудниками была одним из важных компонентов творческого стиля Векслера. И очень важно, что потребность эта была взаимной. Во времена Владимира Иосифовича в лаборатории царила атмосфера коллективного творчества, а он был его мощным катализатором.

Хочу рассказать еще об одном случае. Шестидесятые годы отличались особой атмосферой. Научный романтизм, приподнятость духа, уверенность в светлом будущем — все это способствовало не только интенсивной и плодотворной работе, но и различным шуткам и розыгрышам. Юмор занимал большое место в нашей жизни. Однажды один из наших коллег случайно оставил ключи от своей квартиры на моем столе. Сразу возникла идея воспользоваться ими для розыгрыша. Детали операции обсуждали коллективно. Исполнителями ее стали я и Володя Никитин. В квартире мы устроили беспорядок (легко обратимый), характер которого сразу говорил о шутке: утюг в холодильнике, телеви-

зор повернут экраном к стене, детский горшок на плите, швабра на люстре и т. д. На люстре же повесили большой лист бумаги, на котором буквами почти в тетрадный лист было написано «ОАС». Такое название имела очень известная тогда террористическая организация в Алжире. По возвращении в лабораторию ключи от квартиры незаметно положили в карман хозяина. А события приняли совсем неожиданный оборот. Пришедшая домой жена нашего коллеги шутки не поняла и вызвала милицию. Милиционеры пришли с собакой, долго искали следы, серьезно отнеслись к надписи «ОАС» и передали дело с вещественными доказательствами в КГБ, где к этому отнеслись еще более серьезно. И, несмотря на то, что мы, узнав вечером о развитии событий, во всем сознались, хозяина квартиры вызывали туда и спрашивали, не узнает ли он, чей это почерк. История эта очень быстро получила известность в городе и в физических кругах даже далеко за пределами Дубны. Векслеру о ней поведал М. И. Подгорецкий. Как он мне рассказывал, Владимир Иосифович очень смеялся. А потом, уже спустившись к машине, которая ждала его у корпуса, он снова поднялся в кабинет и позвонил в КГБ, чтобы поручиться за нас. Он хорошо знал, что шутки в этой организации понимают весьма своеобразно и дело могло принять весьма нежелательный оборот.